

КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: К ПРОБЛЕМЕ СТАТУСА РЕГИОНАЛЬНОГО КИНО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье представлен анализ Стратегии государственной культурной политики Российской Федерации в контексте развития кинематографа и цифрового видеоконтента. Исследование, основанное на качественном анализе документов, сосредоточено на пяти ключевых вопросах: роли кино в стратегических культурных установках государства, мерах по развитию инфраструктуры и человеческого капитала, распределении полномочий между государством и другими акторами, а также сценариях реализации Стратегии. Особое внимание уделено амбивалентной роли государства как мецената и инвестора, что приводит к напряжению между ценностно ориентированным и инструментальным подходами в культурной политике. Анализ показал недостаточное внимание к региональному кинематографу, что может свидетельствовать о сохраняющейся централизованной модели культурного управления. Подчеркивается потенциал локальных сообществ как источников новых культурных смыслов.

Ключевые слова: культурная политика, кинематограф, региональное кино, цифровой контент, культурные институты России.

D.S. Gorohov, Samara University

QUALITATIVE ANALYSIS OF THE STATE CULTURAL POLICY STRATEGY: ON THE PROBLEM OF THE STATUS OF REGIONAL CINEMA IN CONTEMPORARY RUSSIA

This article presents an analysis of the State Cultural Policy Strategy of the Russian Federation in the context of the development of cinematography and digital video content. The study is based on a qualitative document analysis and focuses on five key areas: the role of cinema in strategic cultural directives, measures for developing infrastructure and human capital, the distribution of responsibilities between the state and other actors, and the implementation scenarios of the Strategy. Special attention is given to the state's ambivalent position as both patron and investor, which reveals a tension between value-oriented and instrumental approaches in cultural governance. The analysis identifies insufficient emphasis on regional cinema, suggesting a continued

centralized model of cultural administration. The potential of local communities as sources of innovative cultural meanings is also emphasized.

Keywords: cultural policy, cinema, regional cinema, digital content, cultural institutions in Russia.

В современной России кинематограф занимает ключевое место в системе культурных институтов, выступая не только в роли средства репрезентации национальной идентичности, но и как важный компонент индустриального и экономического развития. Однако если рассматривать киноиндустрию страны в целом, особое внимание следует уделить региональному кинематографу – явлению, которое нередко оказывается в тени столичных киностудий и централизованных программ государственной поддержки. Кинематограф регионов не просто входит в состав общего культурного пространства России, но и неизменно отражает уникальные социальные реалии, особенности локальных культур, традиций, идентичностей, а также доминирующие общественные дискурсы на местах.

Развитие локальных сообществ, региональных культурных практик и кинопроизводства вне столичных центров следует воспринимать как становление культурного и социального фундамента – своеобразного «котла вдохновения», из которого могут рождаться идеи и смыслы, значимые в масштабе всей национальной культуры. Настоящее исследование посвящено рассмотрению оснований государственной культурной политики Российской Федерации в контексте поддержки и развития регионального кинопроизводства, а также создания цифрового видеоконтента.

На основе метода качественного анализа документов предпринимается анализ Стратегии государственной культурной политики до 2030 года [1], выявляются основные принципы, задачи и механизмы государственного регулирования в данной сфере. Стратегия, действующая с 2016 года, выступает ключевым рамочным документом, задающим направления развития отечественного кинематографа. Анализируется документ как выражение институционального видения и интерпретации культурной реальности со стороны государства.

Методологической основой исследования является постановка ряда ключевых вопросов, касающихся государственной оценки сферы кино и цифрового контента, а также целей, задач и механизмов, изложенных в Стратегии государственной культурной политики до 2030 года.

В рамках анализа первого исследовательского вопроса выявлено, что государство рассматривает кинопроизводство и медиаконтент как инструмент формирования позитивной информационной среды, способствующей развитию

личности и общества. Стратегия утверждает приоритет культуры как национальной ценности и акцентирует необходимость масштабной поддержки традиционных духовно-нравственных ориентиров в ответ на вызовы глобализации и технологических изменений. При этом подчеркивается, что культура остается пространством децентрализованных процессов – «культурных мутаций», адаптации и конкуренции идей. Такие элементы гибкости и самокоррекции рассматриваются как важные свойства культурной системы, что соответствует подходу профессора Эдуарда Маркаряна, выделявшего неизбежное разнообразие и изменчивость культурных условий даже в стабильных социумах [2, с. 82].

В Стратегии государственной культурной политики до 2030 года культура признаётся важным ресурсом социально-экономического развития, что отражается в росте финансирования. За последнее десятилетие объём бюджетных расходов на культуру и кинематографию увеличился более чем в 21 раз. Расширены как финансовые механизмы поддержки, так и их объём: субсидии, гранты, льготное кредитование и рибейты.

Тем не менее финансовая поддержка сопряжена с рядом системных ограничений. Доступ к финансированию требует прохождения конкурсного отбора, что стимулирует подстройку контента под государственные приоритеты. В результате усиливается зависимость производителей от заданных критериев, а создание контента на социально значимые темы становится стратегией повышения шансов на финансирование.

Возникает диспропорция между федеральными и региональными киностудиями: слабое финансирование в регионах приводит к миграции специалистов в крупные центры, что усугубляет кадровый дефицит на местах. Эта проблема признаётся и в самой Стратегии.

Анализ ситуации коррелирует с выводами Михаила Жабского, который отмечает институционализацию модели «субсидия – товар – субсидия», где зрительская аудитория отодвигается на второй план, а основной ориентацией становится соответствие требованиям государственных органов [3, с. 244]. Это, в свою очередь, формирует принудительный институциональный изоморфизм и снижает адаптивность индустрии, как подчёркивают Пфеффер и Саланчик, анализируя особенности политически регулируемой среды [4].

Анализ Стратегии государственной культурной политики до 2030 года показал, что значительное внимание уделяется развитию кино и цифрового контента через реализацию федеральных проектов. В частности, в рамках проектов «Культурная среда» и «Цифровая культура» осуществляется оснащение кинозалов и цифровизация контента, тогда как проекты «Творческие люди» и «Приду-

мано в России» направлены на развитие человеческого капитала и поддержку творческой самореализации, включая обучение школьников основам видео- и кинопроизводства в школах креативных индустрий.

Особое внимание уделяется инвестициям в человеческий капитал и инфраструктуру в сфере культуры, что признается ключевым направлением в условиях ограниченных бюджетных ресурсов. Однако в документе также прямо указано на проблему неравенства в обеспеченности культурными благами между столичными и региональными территориями.

Анализ второго исследовательского вопроса показывает, что государство в рамках Стратегии государственной культурной политики до 2030 года занимает многозначную и амбивалентную позицию в культурной сфере. В документе государство выступает одновременно в нескольких ролях: как инвестор, соинвестор и меценат. Это сочетание отражает внутреннее противоречие между двумя подходами. С одной стороны, меценатская роль подчеркивает ценностно ориентированное восприятие культуры как общественного блага, несводимого к услуге и не требующего экономической отдачи. С другой стороны, роли инвестора и соинвестора предполагают инструментальный подход, ориентированный на эффективность вложений, управленческую отчетность и целевые показатели. Такой дуализм описан в теориях Пьера Бурдьё, где символический и экономический капиталы взаимосвязаны, но могут вступать в напряжённые отношения. В контексте культурной политики это проявляется в стремлении государства одновременно поддерживать репутационный капитал культуры и встраивать её в систему измеримых и экономически оправданных результатов.

В рамках третьего исследовательского вопроса проанализированы цели, принципы и задачи, которые Стратегия государственной культурной политики до 2030 года ставит в отношении кинематографа. Основными направлениями названы: поддержка создания национальных фильмов, соответствующих идеологическим ориентирам государственной политики; укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей; повышение качества и конкурентоспособности отечественного кино; развитие индустрии фильмов, рассчитанных на массового зрителя. Одним из приоритетов является также культурная дипломатия – продвижение имиджа России как страны с богатым культурным наследием через экспорт российских фильмов, сериалов, анимации, литературы и музыки. В этом контексте предусмотрена модернизация зарубежных учреждений культуры, включая оснащение их современным оборудованием для демонстрации отечественного контента.

Четвёртый исследовательский вопрос касается места регионального кино и цифрового контента в Стратегии. Прямых упоминаний о региональном кинематографе в документе не обнаружено. Вместо этого акцент делается на проблеме ресурсной диспропорции между центром и регионами. Это может свидетельствовать о сохранении централизованной модели культурной политики, в которой регионы рассматриваются скорее как исполнители федеральной повестки, чем как самостоятельные креативные субъекты. Такая модель ограничивает возможности культурной инновации на местах, в то время как региональные среды обладают потенциалом генерации оригинальных идей.

Пятый исследовательский вопрос касается сценариев реализации Стратегии государственной культурной политики до 2030 года. В документе представлены три возможных сценария: инерционный, базовый и инновационный, выстроенные по нарастанию финансовой эффективности.

Инерционный сценарий предполагает сохранение текущего положения дел: основные тенденции и проблемы культурной сферы сохраняются, уровень финансирования остаётся прежним, и значительных изменений не происходит.

Базовый сценарий ориентирован на умеренное развитие: постепенная концентрация ресурсов, продвижение культуры как стратегического приоритета, а также подключение новых каналов финансирования (в том числе частных) должны привести к повышению качества человеческого капитала и модернизации инфраструктуры.

Инновационный сценарий предполагает качественный рывок в развитии культурной сферы за счёт комплексной трансформации системы, расширения участия негосударственных акторов, внедрения меценатства и альтернативных форм финансирования.

Анализ сценариев с финансовой точки зрения демонстрирует постепенный сдвиг от полной зависимости от бюджета (в инерционном сценарии) к более диверсифицированной модели (в базовом и инновационном сценариях). Это свидетельствует о стремлении государства снизить монополию на культурное финансирование и стимулировать вовлечение бизнеса и гражданского общества, несмотря на то что государство официально продолжает признавать себя основным стратегическим инвестором.

Такой подход поднимает вопрос о реалистичности инновационного сценария, учитывая существующие институциональные ограничения и слабую развитость меценатства и частного культурного инвестирования в регионах.

Завершающий этап анализа Стратегии государственной культурной политики РФ до 2030 года позволяет сформулировать ряд ключевых выводов.

Ценностный вектор. Центральным направлением стратегии выступают поддержка и продвижение традиционных духовно-нравственных ценностей.

Фокус на инфраструктуру и человеческий капитал. Стратегия уделяет внимание модернизации культурной инфраструктуры (в т. ч. кинозалов), цифровизации, созданию образовательных платформ (например, школ креативных индустрий). Однако одновременно признаются дефицит ресурсов и неравномерность культурного развития регионов, что делает особенно актуальным вопрос эффективности инвестиций в краткосрочной перспективе.

Роли государства. Стратегия предлагает многослойную модель участия государства – как мецената (ценностный подход), инвестора и соинвестора (инструментальный подход). Между этими ролями прослеживается внутреннее напряжение, вызывающее конфликт между символическим и экономическим капиталами. Такая амбивалентность может иметь последствия – от ослабления символического ресурса культуры до роста нерационального поведения и конфликта интересов внутри институций.

Кинематограф как приоритет. Поддержка национального кино и его международное продвижение рассматриваются как важная стратегическая цель. Однако региональный кинематограф почти не упоминается в документе напрямую, что может указывать на сохранение централизованной модели культурной политики и недооценку регионов как источников новых культурных смыслов.

Новая управленческая модель. Отмечено стремление государства делегировать часть функций профессиональному сообществу и институтам гражданского общества, что потенциально может способствовать децентрализации. Также зафиксирован сдвиг в сторону многоканального финансирования, включая меценатство, благотворительность и государственно-частное партнёрство.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ «Стратегия государственной культурной политики до 2030 года» от 11.09.2024 № 2501-р // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 78-96.
3. Жабский М.И. Социология кино. М.: Канон+, 2020. 512 с.
4. Pfeffer J., Salancik G. The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective. New York: Harper & Row, 1978. 336 p.